

Виктория Ройтенбурд Белакорту

КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ

г. Зольск
Москве & о.з.
Грузини Крестин
Армии 1/2 в дан Солжуб
кв. 7.

Браймалава
09-461.
Дотырки
не выходи
из дома
видишь
?

Крестин
моя
7

ПОЧТОВАЯ К.
CARTE POST
Земельный участок
вспомогательный отдел, что не
есть равно, только при
е. а. посыл

Виктория Ройтенбурд Белакорту

Кто бы мог подумать

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72004780

Кто бы мог подумать: роман / В. Ройтенбурд Белакорту; Перо;

Москва; 2025

ISBN 978-5-00258-471-0

Аннотация

В этом романе запечатлена реальная семейная хроника нескольких поколений, чьи судьбы плотно переплелись с роковыми событиями XX века. Героям книги пришлось перенести беспощадность Гражданской войны в России, эмиграцию и репатриацию, а также войны испанскую Гражданскую, финскую Зимнюю и Великую Отечественную. Но это повествование не о войнах, а о значимости их воздействия на ценности и поступки гражданских и военных, мужчин и женщин, взрослых и детей. На фронте и в тылу все они подверглись жестоким испытаниям на прочность любви и дружбы, уз семейных и патриотических. Не фокусируясь на деталях самих войн, мемуары позволяют, однако, осмыслить весь их опыт через призму биографической памяти членов семей, русской и испанской, судьбы которых невообразимо переплелись в замысловатом танце жизни. Даже надломленные войной, люди

продолжили бороться, верить и ждать. И они выстояли, они свершили Великую Победу!

Содержание

Пролог	10
Часть первая	11
Глава I	12
Глава II	29
Часть вторая	54
Первое отступление	55
Глава III	61
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Виктория Ройтенбурд Белакорту

Кто бы мог подумать

Восьмидесятой годовщине Великой Победы Советского Союза над коричневой чумой фашизма в Великой Отечественной войне посвящается

Вечная память павшим в сражениях! Низкий поклон вынесшим всю горечь войн!

Моим бесценным детям Рафаэлю, Диане и Майтэ.

Моим несравненным внучкам Алексе и Камиле.

Моим чудесным внукам Александру и Николаю.

© Оформление. ООО «Издательство Перо», 2025

© Ройтенбурд Белакорту, В., 2025

К НАЗВАНИЮ ЭТОЙ КНИГИ

Эта книга о поколениях, переживших войны! В романе взрослые и дети, на фронте и в тылу, все они прошли сквозь крушение своих чаяний, внутреннее опустошение и потерю перспективы будущего. Но всё же продолжали бороться, верить и ждать, что перекликается с темой проникновенного стихотворения Константина Симонова, написанного в 1941 году

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Русскоговорящему читателю

Меня часто спрашивают, как я пришла к написанию этого романа.

Так вот, я всегда удивлялась и в то же время гордилась тем, что являюсь отпрыском довольно непростой семьи. По отцовской линии нашими предками были исконные бессарабские евреи Одессы и округи. «Третий из городов рус-

ских», по Белинскому, и «самый европейский из русских городов», по Пушкину, Одесса богата историей¹, согласно которой родилась я в безусловно космополитическом русском городе на украинской земле. А кроме того, я ещё стала плодом сплетения необычных обстоятельств – брака отца-еврея, выросшего в Аргентине, с матерью-испанкой из Страны Басков.

Вот и получилось, что, будучи первой внучкой, я оказалась «депозитарием» множества разнообразных семейных историй, часть которых при случае я рассказывала родственникам, друзьям и знакомым. Мои слушатели постоянно советовали мне, даже настаивали на том, чтобы я написала о рассказанном. Однако из-за моей загруженности (наука, преподавание, медицина, трое детей), проект был отложен на годы. Да и рассказывать – не то же самое, что писать. И вот, наконец, с выходом на пенсию у меня появилась возмож-

¹ Территория нынешней Одессы в древности находилась во владении различных кочевых племён (печенегов, половцев), а в Средние века входила в Золотую Орду, в Крымское ханство, в Великое княжество Литовское и даже в Османскую империю. Сам город возник как российская военно-морская крепость на территории, отторгнутой от Турции в 1792 году, став южными морскими воротами Российской империи. Он был основан в 1794 году по инициативе контр-адмирала русского флота испанца Хосе де Рибаса, спроектирован и построен голландским инженером Франсом де Воланом, а утверждён и финансирован русской императрицей немецких кровей – Екатериной II Великой. Она же дала ему название в честь греческой колонии «одессос», указываемой как место обитания мифических амазонок. В 1932 году в составе Украинской ССР была образована ещё и Одесская область, а в 1956 году к ней была присоединена территория бывшей Измаильской области.

ность закончить курс-тренинг «Литературное творчество» при Школе писателей Мексики, к концу которого требовалось предоставить хоть несколько глав собственного романа. Впоследствии я дописала его. Так появилась новелла «В поисках той весны» на испанском языке, удостоенная премии в Испании в 2008 году, а затем переизданная в Мексике в 2009-м. Эту книгу я презентовала тогдашнему Чрезвычайному Послу Российской Федерации в Мексике, журналисту В. И. Морозову. Прочитав её, посол удивился, что она не на русском языке, и очень посоветовал перевести её. Но жизнь снова вмешалась. Только через годы этот роман, дополненный и видоизменённый, выходит в свет на русском языке.

Пролог

Когда всплывает во мне всё произошедшее в мои ранние годы, я понимаю, какое решающее влияние оказали те события на всю мою жизнь. В них базис моего восприятия мира, морали и ценностей, неудач и успехов. В нём смысл того, кем я являюсь сегодня.

Те далекие потрясения... За десятилетия они словно окаменели, вмёрзли в лёд моей истории. Но всё же остаются глашатаями глухой боли, не стираемой временем.

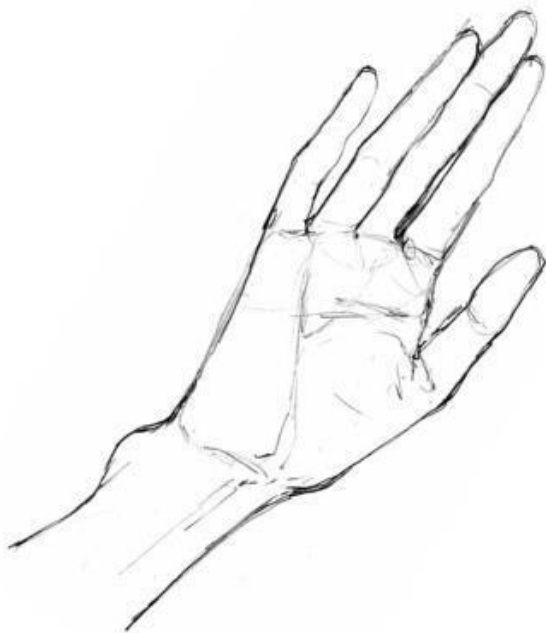
Это фрагментарный рой моментов! Им суждено вернуться, воскресить события старые, но мгновенно оживающие – стоит к ним прикоснуться. Я размораживаю груз прошлого, скрываемый от других и даже от себя. Мне надо залечить те раны, исцелиться.

Забутые истории! Почти все их герои уже покинули этот мир. Восстановить прошлое будет непросто. И всё же, эпизод за эпизодом, медленно всплывает давно погребённое в памяти, раскрывает свои элементы, выстраивается в цепь.

Во мне рождается надежда, что наконец-то я смогу понять и принять свою личную суть, оценить её и воздать дань всему когда-то прожитому.

Часть первая

Истоки

Глава I

Корни

*Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог,
У Чёрного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город
У Чёрного моря!*

Софья почувствовала, как приближается необъяснимое дрожание земли и воздуха. Через минуту оно будто внедрилось в неё, поглотило. Сразу же она с изумлением поняла, что не сможет бороться, что нет сил на сопротивление. Поток закрутил её, а затем затащил внутрь себя. И тут она стала задыхаться. Где-то на границе сознания стали возникать картины из прошлого.

* * *

Ей пятнадцать. Вся семья собралась, чтобы попрощаться: родители, четыре сестры и единственный брат, младший. Ведь это не обычный момент. Она, совсем юная девушка, целый год будет жить вдалеке от семьи, в чужой стране. Единственной защитой теперь будет бывшая подруга матери, жи-

вущая в Цюрихе. Не любой отец позволил бы такое. Конечно же, и не любая «дочь семьи» осмелилась бы. Без сомнений, решение было трудным. Но девушка не могла упустить такую прекрасную возможность. Подумать только – путешествие ни много ни мало в древнюю провинцию Римской империи, обладающую двумя основными языковыми кантонами.

Ведь это моя мечта: говорить по-французски и по-немецки, читать и понимать превосходную литературу на обоих языках. Так что отрицательные комментарии других не в счёт. К тому же я ведь старшая!

Родителям пришлось принять этот вызов.

Адаптация к Швейцарии проходила быстро, хотя альпийская страна так сильно отличалась от Одессы.

На родине Софью очаровывала бесконечная маслянисто-голубая под солнцем пенистость волн, порой кажущихся нежными и невинными, но вдруг пугающих своей решимостью, даже коварством. Здесь же вокруг открывалось спокойное «море» сизых густых лесов. Да и всё остальное тоже было непривычно. Одновременное изучение двух языков давалось нелегко. Между учёбой, визитами, презентациями и чтением вкрадывались моменты внезапной ностальгии и неуверенности. Но всё же как быстро проходило время!

В её спутанном от падения сознания плыли теперь зелёные парки, по которым она столько раз бродила в те годы. А вот и огромный сад у дома, где она остановилась... Лия, одесситка по рождению, из-за преждевременного и нежи-

данного вдовства и отсутствия собственных детей была рада её компании. В бассейне дома Лии они часто проводили время, обсуждая картины и книги. А вот они в большой гостиной играют на фортепиано в четыре руки: две – знатока и учительницы музыки Лии, две другие – её пылкой ученицы Софы.

В ларец воспоминаний девушки те эпизоды навсегда вписались как идеал блаженства. Как бы ей теперь хотелось так беззаботно наслаждаться природой и искусством!

Но в теперешней действительности всё было наоборот – вокруг царили насилие и хаос.

* * *

Через несколько месяцев после возвращения из Швейцарии у неё внезапно проснулся интерес к изучению бухгалтерского дела. Началось обучение в доме хорошего друга семьи, бухгалтера. И о чудо! Кто бы мог подумать? Именно здесь произошла встреча с Давидом – наставником безответственного и ленивого единственного сына того семейства.

С самого начала Софью привлекли застенчивое упорство и провинциальная доброта этого парня, его жёлтые глаза, копна каштановых волос и такие же кустистые усы поверх полных губ. Вскоре она поняла, что Давид тоже ослеплён глубиной её серых глаз и спокойной твёрдостью хрупкой на вид фигуры.

И вот они гуляют по мощёным улицам, зелёным паркам и цветущим бульварам Одессы. Это их любимый город.

– А ты знаешь, Давид, что этот город основан в ночи времён греческими поселенцами? Пишут, что на этом месте ранее было поселение мифических амазонок.

Её комментарии по истории и архитектуре, такие спонтанные, ошеломляют молодого студента-провинциала. Знания девушки вызывают в нём удивление и восхищение. На берегу знойного моря, впитывая энергию самого важного южного порта России, оба начинают строить свои планы.

А вот они вместе идут в одесский театр оперы и балета. Софья наблюдает, как Давид погружается в этот волшебный мир музыки, слов и движений, как реагирует на оперу. На следующий день букетом фиалок он благодарит её. В компании своей возлюбленной будущий врач с удовольствием оттачивает свои культурные амбиции.

Картины, эпизоды...

Получить согласие на брак оказалось делом нелёгким. Довольно либеральные родители Софьи не возражали против их общения. Однако, когда эти отношения стали угрожать замужеством, они не могли скрыть своего разочарования. Для Софочки, своего первенца, они ожидали «лучшей партии». Безусловно, Давид был достойным молодым человеком. Но он происходил из семьи сельских торговцев, людей малокультурных и слишком консервативных.

– Посмотри на них, золотце моё! – звучал голос отца Со-

фьи. – Этих людей, родителей Давида, не привлекает учёба сына. Они назначили ему практически нулевую сумму на образование! Разве это нормально? Конечно, они видят в этом скорее его отщепление, чем прогресс своей семьи. И с такой семьёй ты хочешь нас породнить?

– Может быть, папа, Вы правы. Но Давид не такой, как они, и мы не собираемся уезжать жить в провинцию. Мой жених знает, что я не уеду из Одессы. Да и он не хочет возвращаться в свою глушь. Посмотрите, сколько препятствий ему приходится преодолевать, чтобы получить здесь диплом врача. Он вынужден сам зарабатывать на жизнь, обучая своих сокурсников! То, что дают ему родители, с трудом хватает на оплату жилья. А еда, а книги, а одежда? Я вижу, как он борется изо дня в день, как стремится достичь задуманного. А знаете ли Вы, каков его жизненный девиз, унаследованный от деда? «Упорство и труд все перетрут!» Вот.

С таким энтузиазмом защищала Софья своего наречённого. Но на самом деле, не умаляя других его достоинств, больше всего в Давиде она восхищалась открытой преданностью ей.

– Роза, а что ты думаешь о Давиде? В отличие от наших правил, его родители даже не приехали просить руки Софьи. Давид сам сделал это. Необычно, ты не находишь?

– Софа, пожалуйста, оставь нас с отцом. Нам нужно поговорить, – немного неохотно отвечала мать.

Как это получается, что мои родители не оценивают за-

слуг Давида? Ведь он уже сейчас репетитор богатых и невероятных учеников и содержит сам себя. Для него это послужит ещё и средством для более лёгкого внедрения в одесское общество, откуда придут к нему будущие пациенты. А ведь это непросто, чтобы тебя оценили и приняли. Несомненно, Давид станет хорошим врачом. Его ждёт успех благодаря девизу, настойчивости и трудолюбию.

Что было сказано между родителями дальше, осталось за закрытой тяжёлой дверью. Но если бы Софья осталась, то услышала бы, как её мать продолжила:

– Конечно, это необычно, что жених напрямую сам просит руки невесты. Ты прав, дорогой. Не то чтобы я это одобряла. Да, мы к этому не привыкли. Но и родители Давида не привыкли выезжать за пределы своей деревни, чтобы просить руки городской девушки. К тому же ведь Давид говорил, что родители не поддерживают его планов – что он уедет и, тем более, навсегда. Поэтому они до сих пор обижены на него. Так что как им просить руки Софьи? Но они в курсе и не возражают.

– Конечно же, они не возражают. Да и не будут. Им выгодно породниться с нами. Но нашей семье? Роза, от этого брака в чём выигрыш нашей дочери?

– В том, что она получит хорошего мужа, искренне любящего её, трудолюбивого и будущего хорошего врача.

– Потрясающий выигрыш – обещание неопределённого будущего! Быть врачом – не гарантия обеспечения семьи.

Софье придётся подождать, пока он преуспеет в своей профессии. Как самому младшему и несговорчивому, родители не оставят ему ни копейки. Когда они женятся, всё, что у них будет, – наше приданое за Софой. Такая сделка кажется мне очень рискованной. Я даже спать не могу... Наша девочка не должна оказаться в такой ситуации. Для неё есть гораздо лучшие варианты.

– Что я могу сказать? Решение принимаешь ты. Софа – наш ребёнок, которого мы хорошо воспитали, она не слушается нас. Однако мы всегда прививали ей свободу и уважение к себе. Я не думаю, что сейчас мы должны принимать за неё это важное решение. Нам надо помнить, родной, что времена изменились. Я лишь прошу тебя дать ей шанс быть счастливой с мужчиной, которого она любит. А я... Я доверяю Давиду. Он трудолюбив, аккуратен, не расточителен. Я надеюсь, что он будет хорошим врачом и не растратит то, что мы дадим за Софой. Более того, я надеюсь, что он это приумножит.

– Ты так думаешь, Роза? Да услышит тебя Бог!

* * *

С невероятной скоростью видения проносились в голове Софьи. Казалось, что поток будет бесконечным. Но вдруг его остановил неожиданный окрик:

– Осторожно, скоты! Ведь вы же раздавите эту тоненькую

барышню!

Сильные руки извлекли её из толпы, подняли над агрессивным людским водоворотом и опустили где-то вне шума и суеты. Очень скоро ей стало легче. Открыв глаза, она увидела, что лежит на полу, на подложенном ей под голову каком-то тряпье. Рядом улыбающееся женское лицо объявило:

– Ну и ну, как же Вы нас напугали, барышня! Мы уж думали, что... Если бы не Вася, Вы бы точно остались там навсегда.

К женскому присоединилось лицо мужчины.

– Это он вытащил Вас из толпы. Как ребёнка, – добавила женщина.

Мужчина лишь улыбнулся, а затем сказал:

– С Вами всё будет в порядке, барышня. Но берегите себя, не ходите больше одна. Сейчас не время разгуливать по улицам беззащитным барышням вроде Вас. Вас чуть не раздавили. Куда позволите отвезти?

Софья всё ещё не оправилась от оцепенения.

Эти люди... Что со мной случилось?

– Будет опасно оставлять Вас здесь одну. Вы хотите, чтобы мы отвезли Вас домой? – спросил снова женский голос.

Софья сделала попытку подняться и вскрикнула от боли. Тело не выдерживало движений. Она вопросительно подняла глаза на женщину.

Что со мной случилось?

– Не волнуйтесь, ничего страшного. Я уже проверила Вас.

С Вами всё ничего. Просто толпа навалилась. Несколько дней в постели помогут. Но скажите, куда Вас отвезти? – Уловив в глазах Софьи испуг, женщина добавила: – Да не бойтесь Вы нас, барышня. Мы бедные, но не бандиты. Если предпочитаете, мы можем найти Вам извозчика.

Софья слабо кивнула.

Теперь уже невозможно ходить по улице даже при свете дня. Давид предупреждал, но мне нужно было выйти. Кто мог подумать, что, просто выйдя из дома, можно подвергнуть свою жизнь опасности? Если бы не помощь этих людей... В какое время мы живём... Эти люди спасли меня, но я не знаю, кто они... Нет, всё же лучше, если они не будут сопровождать меня.

Через несколько минут, оставив паре спасителей несколько монет в благодарность, Софья при помощи извозчика с трудом села в коляску.

Уже дома, пока она пыталась избавиться от грязной порванной одежды, появился Давид. Его испуганное лицо красноречиво свидетельствовало о том, в каком виде предстала перед ним жена. Он попробовал помочь, но его остановил вскрик.

– Так больно, милая?

Но Софья вскрикнула не от боли. Она почувствовала внезапный укол, от которого её волосы встали дыбом.

– Скорее, помоги мне освободиться от этого тряпья, – задыхаясь, воскликнула женщина.

– Да что случилось, откуда тебя привезли?

– Только помоги мне, скорее! Только что меня что-то укусило.

Вскоре они нашли это «что-то». Оба с ужасом смотрели на обыкновенную вошь. Они знали, чем это может обернуться, и делали всё возможное, чтобы оказаться вне досягаемости отвратительных насекомых. Однако теперь Софья попала в эту опасную ловушку. Давид обеспокоенно пробормотал:

– Не обязательно, что ты заболеешь. Это совсем не обязательно. Успокойся, мое сокровище. – И после неловкой паузы предложил: – Я помогу тебе принять ванну и лечь отдохнуть. Думаю, сейчас это тебе нужнее всего.

Голос Давида звучал озабоченно и нежно, и Софье стало легче.

– Ты прав. Это единственное, что можно сделать пока. А Арик? – Софья направила вопрошающий взгляд в сторону няни.

– Не беспокойся, у нас опытная няня. Я попрошу её принести тебе еду и пусть продолжит присматривать за маленьким Ариком. Я тоже буду начеку. А ты купайся, ешь и отдыхай.

– Я не голодна. У меня болит всё тело и голова. Я всё ещё напугана. Ты сам поешь и позаботься о нашем мальчике. Не хочу к нему даже подходить. Я приму ванну и лягу спать. Надеюсь, последствия этого укуса не будут серьёзными.

Только после того, как с помощью няни сожгли одежду, Софья погрузилась в ванну, и её измученное тело обрело, казалось, новую жизнь. Она даже смогла насладиться влажной тяжестью своих каштановых волос, рассыпавшихся по плечам и спустившихся по спине до пояса.

Кто бы мог подумать, что очень нескоро она снова сможет ощутить их приятную весомость.

* * *

В течение нескольких недель тифозная лихорадка удерживала Софью вдали от враждебности внешнего мира. Но путешествие между жизнью и смертью сопровождали многочисленные видения. Некоторые из них были ещё страшнее реальности.

Вот великолепная и шумная свадьба. Все поздравляют, все улыбаются. Она выходит под руку с Давидом. В ручном зеркале видит свой рот и два отсутствующих зуба. Вместо них-две кровоточащие дырки. Её красивое лицо обезображено, платье окрашено в пунцовый цвет. Поток слёз душит. Но семья Давида рассматривает её с негодованием. Свекровь сурово спрашивает:

– Что всё это значит?

Она не знает, не понимает... Она только стонет и плачет...

Нет, уже не плачет. Теперь она сияет в кружевном одеянии. Рядом с её кроватью люлька. А внутри крошечное тель-

це, которое то спит и спит, а то ест и ест. Входит Давид в сопровождении своей матери, одетой во всё чёрное. Почему в чёрном? Что-то внутри сжимается. Давид обращается к ней, но она смотрит только на свекровь. Потом переводит взгляд на кроватку. Теперь в ней три младенца. Софья бросается к кроватке. Крик ужаса вырывается откуда-то изнутри. Между двумя малышами лежит третий, изуродованный и залитый кровью.

* * *

Софья открыла глаза. У кровати стояли две её сестры, Давид и няня с Ариком на руках. Всё было как в тумане. Вскоре взгляд сфокусировался на любимых лицах. Её сын выглядел здоровым и повзрослевшим, остальные – радостными. Но Давид поразил её – улыбка не могла скрыть бледности лица и какой-то подавленности.

Одна из сестер вдруг разрыдалась. Софье тоже захотелось плакать, ослабить узел, сжимавший грудь. Но не получалось, не было слёз. Как будто болезнь высушила все изнутри. Она попыталась сесть в кровати. Несколько рук протянулись навстречу. Напрасно. В изнеможении она снова упала на подушки – со сдавленной грудью и пересохшим ртом невозможно было произнести ни слова.

Лишь несколько дней спустя с посторонней помощью Софье впервые удалось подняться с постели. Пришлось даже

заново учиться ходить. Медленно, но Софья возвращалась к бурлившей вокруг реальности. В одиночестве своей спальни она с нежностью созерцала сон сына. И, конечно же, много думала о жизни. Ей вспоминалось, как после свадьбы, помпезной по настоянию родителей, они с Давидом поселились в своём «гнездышке» в этом же, со слов самого Пушкина, «великом русском городе, где пахнет Европой». Давид начинал частную врачебную практику. Благодаря знакомым, и своим и родителей Софьи, клиентура росла. Уже через несколько месяцев семья имела неплохой достаток и позволяла себе даже некоторую «роскошь», к которой молодая жена была привычна в доме родителей.

Постепенно неутомимая целеустремлённость и природная доброта превращали её Давида в молодого, но уже успешного врача. И это порождало гордость за мужа, хотелось чем-то помочь ему. И она помогала. Помимо ведения бухгалтерии, она использовала всю свою изобретательность, чтобы привнести в его напряжённую жизнь ноту расслабления, – приятные новые знакомства, общение, которого муж, выросший в провинции, никогда не имел. Он обожал её. Она, словно бабочка, порхала рядом и тоже впитывала бальзам их общения. Пара чувствовала, что вместе создала свой собственный мир, нежный и прочный одновременно. В нём оба, соприкасаясь, наполняли друг друга и наслаждались своим творением.

И всё же пик счастья пришёл с появлением их первенца –

красивого розовощёкого мальчика с рыжеватыми волосами и зелёными глазами. Софья не могла не назвать его Аркадием, так как он родился в одесской Аркадии и обоим нравилось это греческое имя. Сын стал для неё символом лучшего из всего, что случалось раньше. Это была кульминация её любви к мужу, к себе и к жизни, которая их окружала. Молодая мать с удовольствием погрузилась в воспитание и уход за сыном. Но не забывала, бесспорно, бухгалтерию Давида, своё чтение и музицирование. Она наслаждалась процветанием своей семьи, в которой чувствовала себя центром уважительного и деликатного внимания.

* * *

На исходе 1917 года словно непроницаемая туча закрыла солнце. Перед четвёртой годовщиной их свадьбы разразилась революция. В мгновение ока всё изменилось. Молодёжь почувствовала себя подвешенными над пропастью. Их одолевало инстинктивное чувство бесконечного скатывания вниз, страх безудержного падения. Софья ощущала, как всё её существо сжимается под тяжестью окружающего хаоса. Перед её встревоженными глазами вырисовывалась ужасающая картина: её семья, её будущее и будущее её близких – всё раздроблено бушующим потоком, неотвратимыми грязными волнами. Свергнутый порядок – смерть стабильности. Лишь много позже она осознала, насколько радикаль-

но случившееся повернуло её жизнь. Это был сдвиг глубокий, интенсивный, столь же необычный, как и резкий.

От привычного уклада жизни не осталось ничего. Останется ли что-нибудь от нас самих, от того, какими мы были?

Этот постоянный вопрос мучил её обескураженное сознание.

Первым делом их лишили части собственного дома. Из шести уютных комнат за ними сохранили лишь две.

– Как, Давид, как мы сможем разделять наш дом с другими? И с кем, с кем? Я этого не в силах понять.

– Да, жизнь моя... В нашем доме шесть комнат, а согласно новому порядку, это слишком много. Есть люди, которым вообще негде жить. Поэтому новое правительство решило выделить нам две комнаты. И это потому, что я врач и сотрудничаю с ними. Но это всё. Остальные четыре будут отданы другим семьям, по одной комнате на семью. Они так мне сказали.

– Что?! У нас только одна кухня и одна ванная. Этот дом только для одной семьи! Они что, не понимают? Или ты им не объяснил?

– Софа, они всё понимают. Но всё так, как я тебе говорю.

– Но ты сделай что-нибудь. Мы же не можем так жить... Смешиваясь с другими людьми, которых даже не знаем. Скажи им, что у нас маленький сын, что ты врач и у тебя есть частная практика. Ведь ты же не будешь работать только на

них за их копейки?

– Родная, они всё знают. Они говорят, что частной практики больше не будет. Они приняли во внимание, что я работаю на них. Иначе, наверное, нас бы вышвырнули из этого дома на улицу.

– Как так? Ведь они должны защищать тебя и твою семью. Защищать нас!

– Защищать нас? От кого? Софа, это всё очень сложно. Пойми, что времена изменились. Ничего нельзя с этим поделать, абсолютно ничего.

Что же нам теперь, в своих комнатах готовить пищу и купаться из ведра?

Перед ней ожил тот роковой день, когда четыре комнаты в их доме были отданы четырём неизвестным семьям. Но особенно нестерпимо было делить кухню и ванную.

Лишённая прислуги, Софья вынуждена была сама управляться с домашним хозяйством. Поэтому приходилось готовить пищу на кухне «плечом к плечу» с четырьмя «грубыми и вонючими» женщинами. Каждый раз, когда она готовила то небольшое, что мог достать муж, ей приходилось выносить негодование, зависть и порицание от навязанных новых «соседей», голодных и опьянённых идеями «равенства».

Боже мой, о каком равенстве они говорят? Разве может быть равенство между людьми, отличающимися во всём? Неужели идея в том, чтобы насильно уравнивать всех со всеми? Но кого с кем? Мою семью с этими грязными ботинка-

ми, печатающими свои вонючие следы на белом мраморном полу моей кухни, оставляющими кучу вшей на своих расчёсках в ванной? Я согласна, что у каждого должны быть еда и кров. Но что можно сделать, чтобы утолить голод и потребности всей этой бездомной толпы?

Такие мысли Софьи вовсе не были результатом эгоистичного воспитания. Напротив, отец всегда был внимателен к нуждам людей, работавших на него. Рабочие любили его.

Да, но ведь ему не приходилось делить с ними кухню и, тем более, ванную. В чьей голове могла родиться абсурдная мысль, что люди способны жить вместе при таких вопиющих различиях между ними?

Глава II

Транслокация

*Летят перелётные птицы
Ушедшее лето искать...*

Выбитые смерчем революции из привычного мирного русла жизни, Давид и Софья мечтали лишь пережить этот ураган и его последствия. Однажды он уже коснулся их дома, когда она заболела. И теперь продолжал нависать над семьёй, как дамоклов меч.

Всё ещё слабая и истощённая, с коротко стриженными волосами, Софья понимала, что её муж в большой опасности. Ведь он всё время находился посреди смертоносного педикулёза толпы. Её постоянно мучила мысль о том, что он может заболеть и что она может потерять его. И тогда вместе с сыном она останется один на один с непредвиденными испытаниями. Вокруг была тьма таких трагедий из-за эпидемий, голода и еврейских погромов. Её семье было необходимо избежать подобной участи любым путём. Но как?

Вот бы куда-нибудь подальше уехать и переждать весь этот водоворот. Но как, куда?

В первый же день, когда она осмелилась выйти одна на улицу, вдруг кто-то решительно схватил её за запястье. Ис-

пугавшись, Софья мгновенно остановилась. Перед собой она увидела улыбающуюся молодую цыганку, блестящим чёрным взглядом впившуюся в её лицо. Софья вздрогнула. Подчиняясь инстинкту и страху, она попыталась высвободиться, однако цыганка крепко держала её левой рукой, а правой нежно поглаживала. Ошеломлённой Софье хотелось только убежать. Между тем цыганка ей что-то нашёптывала, настаивая на чём-то, что не доходило до её ещё замороженного сознания. И Софья молча рассматривала её. Наряд девушки отличался от одежды большинства русских цыган. На ней были широкая юбка в цветочек и приталенная красная шёлковая блузка, подчёркивающая тонкую изящную талию. Её блестящие чёрные волосы были убраны назад в две толстые косы. На голове красовалась шёлковая косынка с вшитыми по краю золотыми монетами. Они спускались на смуглый открытый лоб и обрамляли чётко очерченные брови. Губы в улыбке обнажали крепкие белые зубы. На ногах было что-то вроде турецких туфель. Несомненно, цыганка была молода и красива. Её внешность неожиданно успокоила Софью, расположила.

– Драгоценная, послушай меня. Я должна рассказать тебе всё, что вижу. Я скажу тебе твою судьбу. Только правду скажу. Поверь мне, красавица, – шептала цыганка.

Софья попыталась отказаться, но цыганка уговаривала, разжимая её сжатую в кулак руку.

– Смотри, милая, я должна тебе что-то сказать, что-то

очень важное. А чтобы ты мне поверила, я расскажу, что ты уже знаешь, что уже было.

– Не говори мне, что ты знаешь хотя бы моё имя, – насмешливо возразила Софья.

– Я не знаю твоё имя, красавица, но скажу, что оно начинается на С или М. Так?

– Ну... Оно действительно начинается с одной из этих букв, – немного смутившись, промямлила женщина.

– Тогда скажу ещё. Ты и твой муж счастливы, и есть у вас ребёнок... Маленький. Так?

– Хм. Что ещё?

– Скоро вы все уедете очень далеко. И это хорошо.

– Ах да? Я бы очень хотела. Но дальше Киева вряд ли уеду.

– Ты уедешь, моя прелесть. Поверь цыганке. Ты уедешь далеко, через воду, много воды, может быть, море или два. Ты будешь там, в чужом краю, несколько лет. У вас там всё будет хорошо. Вы будете обратно нескоро, но будете.

– Я не верю этому. Мне некуда уезжать. Не думаю, что я смогу даже выехать из Одессы.

– А вот я вижу, что ты уедешь, золотая. Это написано на твоей тонкой белой ладони.

– Сомневаюсь. А что ещё там написано?

– Ну... Много чего... У тебя всё будет хорошо. У тебя будет ещё двое детей. Подожди... Я вижу, что один из детей...

Цыганка замолчала, как бы сосредоточившись.

– В чём дело? Почему ты замолчала? – неожиданно рас-

сердилась Софья.

– Я говорю только правду. Но не знаю, говорить ли тебе...

– Я не просила тебя гадать мне. Ты сама настояла на том, чтобы рассказать мою судьбу. И я не дам тебе ни копейки, если не расскажешь мне всё. Но не волнуйся – я всё равно этому не поверю.

– Не сердись, красавица. Я сразу не увидела. Я лучше уйду.

– Ну нет. Теперь ты должна рассказать всё.

Цыганка явно была в замешательстве. Потом она глубоко вздохнула.

– У нас говорят: «Нагадай, цыганка, счастья. А беды не надо».

– Какая ещё беда? Я не верю ни одному твоему слову. Но хочу услышать, что там тебе открылось в моей руке, – глумливо возразила Софья.

Цыганка пристально взгляделась в её лицо.

– Хорошо. Раз ты сама хочешь... Что ж... Ваш сын... Я думаю, второй... Он долго не протянет. Его судьба короткая. Так говорит Ваша рука.

– Это ты так говоришь, мерзкая цыганка. Ты птица дурного знамения. Я не хочу больше слушать твоё карканье.

Сунув цыганке в руку монету, Софья вырвалась и поспешила прочь.

Но забыть этот инцидент оказалось непросто. Глубоко в душе оставалась заноза. Она бредила воспоминание о ви-

дении – трёх детях, средний из которых был окровавлен, искалечен.

Спустя несколько дней Давид пришёл домой раньше обычного. Он услышал, как жена напевает у кровати маленького Арика старинную русскую песню. Её голос, обычно приятный и сочный, теперь звучал приглушённо и грустно:

*Ох ты доля, моя доля,
Доля горькая моя.
И зачем ты, злая доля,
До Сибири довела?*

Давид вошел в спальню.

– Что-то случилось, родная?

– Нет... Вернее, да. Мне не удаётся избавиться от того, что сказала одна цыганка.

Давид застыл с вопросом на лице.

– Да. Представь себе, она угадала букву моего имени, что я замужем и что я мать маленького сына. Затем она рассказала, что я уеду далеко-далеко, что я пересеку моря, что у нас будет ещё двое детей... Но один из них, видимо, средний, умрёт.

Софья закрыла лицо руками.

– И ты поверила ей, поверила в ложь цыганки? – недоверчиво воскликнул Давид.

– Не то чтобы я ей поверила. Но ведь это странно совпадает с тем видением. Помнишь? То, с тремя детьми? Я гово-

рила тебе о нём.

– Да, да, я помню. Но это было всего лишь видение. Согласна?

– Да, я так думала. Но теперь цыганка сказала мне то же самое.

– Успокойся. У нас ещё даже нет этих детей. Только Бог знает, будут ли. Я не могу поверить, что ты, умная образованная женщина, позволила запугать себя предсказанием какой-то неграмотной цыганке.

* * *

Мало-помалу время запорошило те опасения.

Теперь Софью занимал вопрос, как выбраться из опасного социального хаоса. Если бы только можно было куда-нибудь уехать на время. Может, всё немного успокоилось бы, как-то прояснилось. Но куда? Как обезопасить семью?

Решение пришло само собой. Совершенно неожиданно Софья встретила в центре города свою давнюю подругу по гимназии. Они не виделись несколько лет и теперь обменивались новостями, всем, что случилось за это время. Софья поделилась своими волнениями. И тут подруга рассказала ей то, о чём сама узнала недавно: исключительный вариант – Аргентина приглашала людей на разные работы. Необходимо было проверить этот шанс. И Софья проверила.

Всё выглядело реально. Но как же страшно было даже по-

думать об этом. Впрочем, интуиция подсказывала, что их маленькая семья не должна упустить эту возможность уехать в Америку, пусть даже в Аргентину. Но всё же она сомневалась – извещать ли об этом мужа. Наконец решилась. Когда Давид узнал новость, его глаза сначала расширились, а потом затуманились.

Ведь, помимо наших собственных сомнений, известие заставит нас обоих столкнуться с критикой и страхами как моих провинциальных родственников, так и семьи Софьи.

Именно так всё и было воспринято родителями и родственниками:

– Абсурдно и слишком рискованно отказываться ото всего и отправляться в далёкую и неизвестную страну ни с чем. Ведь никто из вас даже не говорит на этом языке. К тому же переезжать так далеко с маленьким Аркадием? И кто может гарантировать, что вы найдёте там что-то получше? Разве это не полное безумие?

Уж будто Софья и сама не видела, насколько опасен этот проект! Но она также понимала, что он сулит им пусть отдалённое и туманное, но всё же будущее. Спустя почти два года после революционного «крестового похода всех против всех», измученная болезнями и несчастьями, Софья больше не колебалась. Хотя потребовалось время, чтобы окончательно решиться. И тогда, перед двумя семьями, она наконец рассказала о своём выборе.

– Да, я тоже не знаю испанский. Но я надеюсь, что понача-

ду мы сможем пользоваться французским, на котором я говорю. В любом случае, пока мы живы, мы должны предпринять эту единственную попытку, воспользоваться этим шансом. Ведь для покойников шансов не бывает.

Обе семьи, особенно провинциальная семья Давида, были сражены её аргументами. Её сочли сумасшедшей. Но она настояла. На родине ей надоело преследование за то, что она «богата, образована и еврейка». Это были три «вины», из которых реальными теперь оставались только вторая и третья. Как велика была её радость и какой ужас она испытала одновременно, когда муж и оба её деверя наконец согласились с ней! Решено было ехать тремя семьями. Именно угроза смерти от голода, от эпидемий или от погромов огнём выковала их решение покинуть родину. На кон было поставлено всё. Но выбор был сделан.

* * *

Спустя много лет, как в тумане, Софья вспоминала об этом: приготовления, прощания и нехарактерное для неё самозабвение. Она почти не разговаривала, даже с Давидом. Возможно, это была цена сохранения в силе своего решения перед лицом разлуки со своей большой семьёй, друзьями и всем тем, что окружало её в годы замужества в первом собственном доме. Выбор оказался дорогостоящим. Гнездо, которое создавали они с такой надеждой и любовью и кото-

рое затем ей пришлось делить с совершенно незнакомыми людьми... Но теперь это всё казалось самой желанной частью её прежней жизни, от которой уже оставалось так мало. Когда пришло осознание, что придётся всё это оставить, Софью вдруг охватила глубокая печаль. Но теперь нельзя было падать духом. Интуиция подсказывала, что этот путь они должны будут пройти, чего бы им это ни стоило.

А путь оказался долгим и отчаянным. Особенно тяжело далось путешествие через океан. Посреди этого огромного неизведанного пространства пустота овладела их душами. Внезапно обоим стало ясно, что вдали от привычного окружения, оторванные от своих корней и родственных связей, они перестали быть самими собой и вообще кем-то. Они напоминали осенние листья, ветром сорванные с родного дерева и брошенные в шквал судьбы.

Давид казался убитым горем, словно на нём лежал огромный груз вины. Он редко открывался для разговоров.

– Я не хочу противоречить тебе, но я всё меньше уверен, что, оставив нашу родину и всё остальное, мы поступили правильно. Кто может гарантировать, что в Аргентине мы найдём то, что ищем? Я даже не знаю, найду ли работу.

– Ты – врач, я – бухгалтер. Думаю, нам есть что предложить. Не понимаю, почему ты так сокрушаешься? К тому же что у тебя, вернее, что у нас там оставалось?

– Надёжная работа, которая нас содержала, и жильё.

– Хм, работа, которая в любой момент могла стоить тебе

жизни, и дом, в котором отсутствовало самое главное – личное пространство.

– Ты права, не всё было идеальным. Но у нас был дом. А что у нас будет на новом месте?

– Я этого не знаю. Знаю только, что нам нельзя было дольше оставаться, потому что мы постоянно находились в опасности. Я не могла больше так жить. Ты понимаешь это? Я хочу верить, что мы достигнем того, к чему стремимся. Ведь говорят же: «Что ни делается, всё к лучшему».

– Я очень надеюсь на это. Мне хотелось бы знать, что ждёт нас в Аргентине. Я хотел бы иметь твою уверенность и твою стойкость.

– Давид, я верю только в то, что Бог не оставит нас и что он не зря дал нам эту возможность. Пожалуйста, ты тоже поверь.

– Я стараюсь, но это совсем не просто.

После таких разговоров Давид замолкал на два-три дня. Теперь он казался ей другим человеком, немного чужим. Он замыкался в себе, иногда переставал даже есть.

О Боже, пожалуйста, не дай ему заболеть сейчас! Только не он и не Арик. Я выдержу всё. Я просто молюсь, чтобы мы вместе достигли того, к чему так стремимся. Это всё, о чём я прошу.

И вот свершилось. Три семьи ступили на незнакомую аргентинскую землю. Софья навсегда запомнила прибытие в огромный дом, где их сначала поселили. Было очень жарко, и

было сложно привыкнуть к этому. Жара посреди зимы? Как они могли себе такое представить? Но тут всё только началось. Несоответствие между жизнью, которой они наслаждались когда-то, и условиями на новом месте было средни контрасту между украинскими степями и аргентинскими пампасами. Однако эта страна предлагала им мир и работу – два самых ценных условия, которых они так жаждали в последние годы. И Софья не позволяла себе даже думать о возвращении. Путь назад был отрезан. Просто нужно было приложить столько усилий, сколько требовали обстоятельства.

Боже, дай нам терпение и силу!

Это было то, о чём молила Софья, просила больше всего за Давида. Ведь её муж продолжал находиться в душевном упадке. Её утешал лишь маленький сын, который, казалось, не реагировал на перемены. Арик легко привык к новой пище, объедался фруктами. Он хорошо спал и вообще был в отличном настроении. Пока родители изнуряли себя ожиданием, он знакомился с окружением и окружающими. Вскоре у него появилось несколько друзей, с которыми он охотно играл. По крайней мере, у него всё было хорошо. И его мать была благодарна за это.

Время шло. Аргентинцы не торопились. Субсидии хватало на еду. Но уживаться в одном, хотя и большом, доме трём семьям было непросто. Софье было нелегко со своими провинциальными родственниками, которые перед лицом новых обстоятельств часто оказывались не на высоте. Ведь в

жизни трёх семей не было ни желанной свободы, ни необходимой материальной обеспеченности. И добиться этого было трудно. Софья верила, что всё может быть достигнуто, но лишь через постоянство их собственных усилий. А оба её деверя и обе невестки этого не понимали. Они заставляли Софью чувствовать себя почти виноватой в том, что оказались на чужбине. Как будто это было не их собственное решение и не их ответственность за свои поступки.

А что, если и Давид начнёт винить меня в этом? Сколько ещё трудностей нам придётся пережить, прежде чем всё наладится? Удастся ли нам это?

Наконец, после долгих раздумий, оба брата решили переехать в провинцию, ближе к земле. Софья и Давид предпочли столицу, хотя у Давида всё ещё не было разрешения на врачебную практику. Для этого нужно было выучить испанский язык и сдать профессиональный экзамен, а это было то, чего он больше всего боялся.

* * *

– Скоро у тебя будет работа, – сказала ему однажды Софья, пытаясь подбодрить.

– У меня будет работа? Когда? Я не имею права работать. Ты знаешь, что мой медицинский диплом не признают.

– Когда-нибудь его признают. Всё, что тебе нужно сделать, так это сдать экзамен по языку.

– Только? Тебе это кажется малым? Но как я смогу это сделать, если не говорю по-испански?

– Ты уже учишь его, как и я. Скоро ты им овладеешь.

– Жизнь моя, пожалуйста, не говори этого. Разве ты не видишь, что у меня ничего не получается? Я не смогу выучить его, по крайней мере, не смогу так быстро, как это нужно. И что мы будем делать всё это время? Жить на подачки? – в голосе Давида звучала горечь.

Мы не можем не добиться того, за чем приехали. Но ничего! У меня настойчивый, трудолюбивый муж. Я лишь прошу вооружить его силой и терпением. Как там говорил его дед? Ах, да: «Терпенье и труд всё перетрут». Почему Давид больше не придерживается этого девиза?

Испытание душило Давида, заглушая любой проблеск надежды на новую жизнь.

Мы не должны продолжать жить вот так, на эту жалкую ссуду, в чужом доме. Моей семье нужно уединение, своё пространство. Если мы этого не получим, то что за жизнь сулит нам эта страна? Мы проделали такой долгий и тяжёлый путь ради стабильности, пожертвовав всем. Я обязан обеспечить достойную жизнь жене и сыну. Но что я могу здесь сделать, не зная языка, не имея разрешения на работу по моей профессии?

Впервые Давид заметил, что его привычный девиз, который так помогал ему в прошлом, совершенно не действует. Не то чтобы он чувствовал себя побеждённым. Но он был

обезоружен тем, что не мог предложить своей семье ничего лучшего. А без этого не стоило и эмигрировать. Однообразная реальность выбивала его из колеи. Его темперамент не привык к длительному отдыху, мешал его работоспособности. Это вынужденное безделье было невыносимым, потому что он не мог его контролировать, не мог даже рассчитать его продолжительность. Между тем он чувствовал, что самые близкие ему люди ждут от него решительных действий. Софья не поучала его. Напротив, она была его опорой. Обычно импульсивная и динамичная, сейчас она старалась быть сдержанной, понимающей, даже готовой пойти на всё. Но было так унижительно видеть, как она проводит весь день в стараниях устроить быт, чтобы они втроём могли вкусно поесть и опрятно одеться. Её любимые занятия – чтение и игра на фортепиано – теперь казались миражом. Её прежде нежные руки теперь были иссушенными, потемневшими и шершавыми. В этой чужой стране он не знал, как вернуть ей нормальную жизнь.

Софья тоже прекрасно понимала, как сильно её семья нуждается в собственном доме. Но больше всего в этом нуждался Давид. Она с болью наблюдала, как его поглощает бездействие.

Он – человек труда, ему нужно срочно найти себе какое-нибудь занятие, хотя бы для начала. Боже мой, испытай меня; я готова заплатить любую цену! Я буду помогать мужу во всём, чтобы наш сын рос в достатке. Мы

должны идти вперёд. Иначе зачем нам было покидать нашу землю? На этом я настояла. Значит я должна найти выход из этого затруднительного положения.

* * *

На лице женщины впервые за долгое время сияла улыбка удовлетворения.

– Давид, я много с кем беседовала в последнее время. Знаешь, мне это удаётся.

– О, да! А мне нет.

– Мне посоветовали открыть аптеку. Для этого даже не нужно специального разрешения, и, тем более, не нужно доказывать, что ты врач.

– Мне не нужно будет доказывать, что я врач. Но придётся доказать, что я фармацевт. Мы с тобой не являемся такими, Софа.

– Подожди, дорогой. Это не нужно. Я уже изучила вопрос. Всё, что нам нужно, так найти человека, лишь найти аргентинского фармацевта, который поручится за аптеку.

– Кто же захочет это сделать, дорогая?

– Тот, кто захочет, чтобы ему платили за его незначительные усилия.

– Ты знаешь, Софа, что я никогда не соглашался зависеть от кого-либо, даже от своих родителей, когда был студентом. А теперь ты хочешь, чтобы я зависел от кого-то другого и

чтобы этот человек отвечал за меня? Ты этого хочешь?

– Я просто хочу, чтобы ты вернул себе возможность получить работу, чтобы ты снова чувствовал себя полезным, освободился от «подачек» государства и смог обеспечить свою семью. Разве не этого ты хочешь больше всего? – с ноткой лёгкого раздражения ответила женщина.

– Да, этого я хочу больше всего. Но если я потеряю свою автономию...

– Давид, это временно, это только начало. Нужно же с чего-то начинать. Я узнала, что были люди, которые начинали именно так, а потом становились самостоятельными.

– Не проси меня об этом, Софа. Не мучай меня больше, – отказался Давид.

* * *

Время шло неумолимо. В отличие от жены и трехлетнего сына, Давид не делал особых успехов в испанском. Это было препятствием, которое не давало ему покоя, угнетало. И тут произошло нечто необычное.

– Давид, смотри, к нам в гости зашёл Альберто. Это двоюродный брат нашей соседки Марии. Он что-то хочет обсудить с тобой, – сказала однажды Софья и ввела в комнату высокого коренастого мужчину.

Избегая смотреть мужу в глаза, женщина удалилась под вполне уважительным предлогом – приготовить мужчинам

чай. Издалека она слышала, как убедительный голос Альберто что-то внушает Давиду. Когда через полчаса она принесла им чай и закуску, её муж радостно улыбался. Давно она не видела его лицо таким расслабленным. Произошло ли это потому, что этот весёлый здоровяк Альберто был аргентинским фармацевтом? Или потому, что он неожиданно предложил Давиду стать его партнёром, помочь, именно помочь в открытии новой аптеки? Непостижимо, но Давид согласился. Не без трепета, конечно. Ему пришлось смириться с «вынужденной и временной зависимостью». После нескольких дней лёгкой обиды, первой за годы их совместной жизни, Давид тихо поблагодарил свою Софью за «случившееся». Так началась их первая дружеская связь в Аргентине, которая длилась потом много лет.

* * *

Через несколько месяцев упорной работы благодаря фармацевтическим знаниям Давида и бухгалтерским навыкам Софьи супруги смогли позволить себе аренду небольшого дома. Со свойственной ей изобретательностью Софья создала в нём семейное гнездышко. Это был первый дом, который они обрели за пределами своей родины. Он также стал колыбелью для их второго сына, Бориса. Если Аркадий был похож на мать, то этот мальчик был копией отца, его вылитым портретом. Как же они радовались его появлению! Этот ре-

бёнок, казалось, пришёл им на помощь. После его рождения оба наконец почувствовали, что удача вернулась в их семью.

И они не ошиблись. Спустя несколько лет у них в Буэнос-Айресе были уже три аптеки и собственный просторный дом. Постепенно вернулся и их прежний социальный статус. Как и ранее, Софья вела бухгалтерию аптек, но оставляла себе время для постоянного общения с детьми, а также для чтения книг и игры на фортепиано. А позже им даже удалось устроить детей в лучший столичный колледж. Однако, скорее для воспитания, чем по необходимости, они также приобщали сыновей к участию в семейном бизнесе. Конечно, детям поручалось выполнение только посильных для каждого заданий.

– Арик, ты уже отнёс пакеты заказов, которые я тебе указал? – спрашивал Давид старшего сына каждый день после его возвращения домой из школы и заслуженного семейного обеда.

– Нет, папа, я отнесу их, как только закончу делать уроки.

– Ты знаешь, сынок, что первое – это доставка пакетов. Ведь это то, на что мы живём. Когда закончишь разносить, вернёшься и сделаешь домашнее задание. И если у тебя останется свободное время, ты сможешь поиграть с друзьями или почитать. Это уж как решит мама. Хорошо? – Голос Давида звучал спокойно и уверенно.

– Хорошо, папочка. Но пусть Боря тоже пойдёт со мной.

– Конечно. Ты как старший приучай его к выполнению

доставок, сынок.

Семьи трёх братьев, хотя и жили на расстоянии, но держались вместе. Они виделись редко, но знали друг о друге всё. И главным было то, что каждая по-своему, но все три семьи преуспели.

Через несколько зим после рождения Бориса в семье Давида родилась долгожданная дочка, Ракель. И тогда супруги почувствовали себя на вершине блаженства. У них теперь было всё, чего они хотели, семья стала уважаемой и благополучной. Наконец-то тепло приёмной родины растопило внутренний лёд эмиграции. Разве не об этом они мечтали, когда покинули свою землю?

И всё же ностальгия делала своё дело. А мольбы оставшихся в России родственников, перекинувшись через степи, моря и пампасы, звучали всё громче.

«Дорогие дети, мы так давно не получали от вас известий, кроме того, что вы здоровы. Поэтому я не могу упустить этот неожиданный случай. Катя и её муж Илюша уже едут к вам. Я уверена, что ты помнишь их, Софочка. Она твоя двоюродная сестра. Раньше они жили в Харькове и несколько раз приезжали к нам. Так вот, они решили эмигрировать, потому что его сестра там хорошо устроилась и позвала их к себе. Они оба очень помогали нам здесь. Я думаю, что было бы хорошо, если бы вы с Давидом предложили им то же самое.

У нас всё хорошо, как сейчас принято говорить. Но ваш

отец всё больше и больше устаёт. Я думаю, из-за возраста. Ведь он намного старше меня.

Мне очень жаль, но я вынуждена сообщить вам и одну плохую новость. Твой свекор недавно скоропостижно скончался от сердечного приступа. Не знаю, Софа, как ты скажешь это Давиду. Но твоя свекровь попросила меня сообщить вам, что она осталась одна. Бедняга, но такова жизнь.

Я в ужасе от того, что твой отец тоже становится всё слабее и слабее. Столько перемен и трудностей мы пережили за эти годы... Постепенно старею и я. Ох как мы с отцом молимся, чтобы с нами не произошло того же, что с вашим свёкром. Мы не хотели бы закрыть глаза, так и не увидев вас всех и не познакомившись с нашими новыми внуками. А ведь мы не виделись уже много лет. Слава Богу, что вы устроили свою жизнь там. Но ваш отец говорит, что нехорошо, когда дети находятся вдали от родины, родителей, бабушек и дедушек. Ты согласна с ним, дочка?

Не подумайте, что мы жалуемся. Твои сёстры заботятся о нас обоих. С тех пор как твой отец заболел, твоя сестра Паша с мужем и сыном переехала жить к нам. Наша семья также стала больше. У вас есть новые зятя и племянники, и вы не знаете никого из них. Если бы ты знала, Софочка, как твои сёстры скучали по тебе на своих свадьбах. Бедняжки, ни одной из них мы не смогли сыграть такую свадьбу, как у тебя. Но у них хорошие мужья и прекрасные дети. Это уж точно. Нам не хватает только вас, наших дорогих.

Надеюсь, что Бог не позволит нам с отцом уйти, не увидев вас рядом, на этой земле, которая принадлежит вам. Пусть жизнь здесь не самая лучшая, но жить можно и у вас будет работа. Может быть, не очень хорошо оплачиваемая. Но работа есть у всех. Давид смог бы снова лечить людей. Я продолжаю верить, а сейчас в старости даже больше, что главное – быть всем вместе. Подумайте над этим и решите, что для вас лучше. Мы же по-прежнему будем с нетерпением ждать встречи с вами.

Дай Бог, чтобы вы нашли способ переслать нам ответ на это письмо. Если сможете, пришлите нам также несколько фотографий, чтобы мы могли хотя бы увидеть новых внуков. Наши искренние соболезнования Давиду. Целую тебя и моих дорогих внучат.

Привет от тех, кто вас так любит и о вас всегда помнит.

Ваша мама и бабушка

Роза»

Эти редкие грустные письма усиливали тоску по родным, которая и так не утихала. За хлопотами с тремя детьми Софье удавалось стойчески её сдерживать. Но Давид уже не мог этого выносить. Его грызло чувство вины за то, что в последние минуты он не был рядом с отцом. Кроме того, его мать была стара и осталась совсем одинокой. Как знать, сколько она ещё проживет и придётся ли ей увидеть троих своих детей и всех внуков.

Бесспорно, Софья была со всем этим согласна. Но снова отказаться от всего достигнутого? Ох как тяжело было к этому прийти. Ещё раз вернуться к началу? В этом она не была уверена. Они неоднократно обсуждали сложившиеся обстоятельства с двумя другими семьями, откладывали и снова обсуждали. Наконец все три брата приняли решение вернуться. На этот раз Софья не могла перечить. Она смирилась, надеясь на лучшее.

* * *

На просьбу о репатриации правительство СССР ответило положительно и даже гарантировало всем работу и жильё.

Так началось всё сначала – болезненная беспомощность адаптации и горькая пилюля новых разочарований.

Во-первых, тут уже не было частного предпринимательства. Поэтому устроиться, как когда-то в Аргентине, они не могли. Однако, так как ничего другого не оставалось, пришлось предложить свои услуги «государству и народу». Двое младших детей вынуждены были пойти в государственную школу, так как других не было. Аркадий же, успевший закончить национальный колледж в Буэнос-Айресе, через два года после возвращения пошёл по стопам отца, поступил в медицинский институт в родной Одессе. К тому времени его русский был уже не так плох, хотя некоторые экзамены сначала потребовалось сдавать на латыни. С этим не было проблемы.

А вот новый круг общения стал для него неожиданным открытием. Он столкнулся здесь с молодёжью, совершенно не похожей на его друзей в Буэнос-Айресе. Оказалось, что многие из его новых приятелей были из бедных семей. Он был поражён их откровенностью и преданностью идее строительства новой родины, а также открытостью к обмену житейским опытом. Они заразили его своим энтузиазмом, своей верой, что рабочие и крестьяне могут добиться достойной, комфортной и счастливой жизни. Прирождённый лидер, он вскоре вступил в студенческую семью, потом в комсомол. Со всем пылом юности он включился в новую жизнь.

Софья и Давид не смогли так же быстро освоиться в новых условиях. Конечно, они получили от государства возможность иметь работу и новые отношения «в коллективе», но с некоторым скептицизмом относились к этому «эксперименту» века. Тем не менее всё было не так уж плохо. Пользу переезда прежде всего уловил Давид.

– Софочка, милая, ты помнишь, как тяжело я работал, чтобы оплатить своё медицинское образование?

А теперь – посмотри! Нашему сыну не нужно ничего платить, он просто учится и получает университетское образование. Ему ещё платят и даже дают бесплатно из библиотеки учебники на каждый семестр. Невероятно. Я помню, с каким трудом мне доставалась покупка своих книг.

– Это правда. Но они были твоими навсегда, Тебе не нужно было их возвращать, в отличие от Аркадия.

– Да, но я ведь оставил их все в Одессе перед нашим отъездом в Аргентину. Ты помнишь это?

– Верно. Хорошо, что они тебе не очень понадобились там... Не для наших аптек.

– Даже не напоминай мне об этом. В Аргентине я так никогда и не смог работать врачом. Никогда. А здесь мне вернули должность и дали работу по моей профессии.

– Конечно. Но какую работу! Глядя на твою зарплату, можно считать, что ты работаешь бесплатно.

– Возможно, но я не плачу за обучение своих детей в университете и в школах. Ты помнишь, во что нам обходилось всё это в Аргентине?

Хоть и с трудом, но постепенно их семейное гнездо стало обрастать необходимыми удобствами, конечно, более скромными, чем те, что остались в Буэнос-Айресе. Но больше всего радовало, что они снова были близки к своим корням и что дети росли в их лоне: говорили на родном языке и жили по укладу своих родителей. Так же, как старшие поколения, семья была убеждена, что «дерево сильно жизненной силой своего потомства».

Древо семьи

Родоначальники:

СОФИЯ + ДАВИД

Второе поколение:

**АРКАДИЙ
+ МАРИБЭ**

БОРИС

РАКЭЛЬ

Третье поколение:

ВИТАЛИЯ

ЭСПЕРАНСА

Часть вторая
Во мраке войн

Первое отступление

– Тётя Ракедь, моя дорогая тётя Ра! Я снова хочу поговорить с тобой на ту же тему, на тему о нашей семье. Мои дети уже задают мне вопросы, интересуются. А я ещё многого не знаю. Помнишь, я тебя просила уже об этом?

– Да, конечно. И это очень важно – знать свои корни. Ведь мы, как растения: рождаемся из семени, которое питается из земли через корни, чтобы дальше расти и развиваться. Так что какими мы родимся и какими вырастем, будет зависеть от того, что именно эти корни впитают из земли и внедрят в нас.

– Вот-вот. Поэтому я и...

– Да, я знаю. Ты меня об этом уже просила. И я не забыла. Я выполню своё обещание.

– И ты расскажешь мне о моём дяде Борисе, о том, что с ним случилось, каким он был? Ра, ты ведь понимаешь, почему я не могу спросить об этом у бабушки и дедушки. Было бы жестоко напоминать им об этой трагедии. Расскажи ты. Пожалуйста, Ра.

– Ох!

– Я знаю. Знаю, что тебе до сих пор больно. Может быть, будет больно всегда. Я очень сожалею. Но как иначе я узнаю о дяде? Я хочу рассказать о нём моим детям. Но я ведь не знала Бориса!

– Ты видела его. Но ты не можешь этого помнить. Тебе был, наверное, месяц. Он приехал прямо с финского фронта. Эту военную кампанию некоторые называют «маленькой войной». Но я считаю, что маленьких войн не бывает. Ведь в каждой из них одни погибают, а другие навсегда остаются осиротевшими, потеряв родителей, братьев, женихов, друзей...

– О, Ра. Я не хочу, чтобы ты плакала.

– Я тоже не хочу плакать, Виталия. Я думала, что уже выплакала всё. Прости меня. Я и тебя расстроила. Просто дай мне собраться с мыслями. Ведь уже прошли годы... Вот так живёшь день за днём, с тобой происходит разное, многое даже приятное. Но та боль не уходит, не стирается. Она сидит в тебе, живёт с тобой, ждёт любого случая, чтобы выпрыгнуть из темноты. И тогда... Тогда меркнет всё – свет, солнце, жизнь...

– Я понимаю, Ра. Может, сейчас не подходящий момент? Может...

– Я сомневаюсь, что он когда-нибудь наступит. И всё-таки я расскажу тебе о нём... Боря был моим любимым братом. В последний раз он пробыл дома всего три дня. Помню, что прежде чем решиться взять тебя на руки, брат долго смотрел на тебя, стоя у люльки. Вся семья была поражена, с какой нежностью двадцатилетний неженатый парень поднял и обнял тебя. Казалось, он обнимает собственную дочь... Твой отец растрогался и попросил его выбрать тебе имя. Борис не

соглашался. Не хотел лишать брата и невестку их родительских привилегий. Но твои мама и папа настояли.

– Почему?

– Даже не знаю. Конечно, они очень любили Бориса. Но твоя мама говорила потом, что это было что-то другое. Может... предчувствие? Получилось, как будто он крестил тебя. Хотя мы не крестим детей. А вот католики крестят. Обычно крёстный отец или крестная мать выбирают имя ребёнку. Думаю, может, твоя мама сделала это подсознательно. Но не из-за религии. Я думаю, что просто от избытка чувств. Может, в благодарность за то, что брат специально приехал из воинской части, чтобы познакомиться со своей первой племянницей. А больше мы его не видели...

– Прости, Ра... А каким был мой дядя? Он был похож на папу?

– Нет, не очень. Он был высоким, худощавым, с очень тонкими чертами лица, тонкой кожей, с румянцем на щеках и тихой улыбкой, едва заметной, но постоянной, даже когда он спал. Мои папа и мама говорили, что он всегда был таким, с самого детства.

– А что ему нравилось? Я не знаю... Расскажи мне всё.

– Он был очень красивым молодым человеком. Все это говорили. У него были прямые светло-каштановые волосы, такого же цвета, как у тебя. Не как у твоего отца – намного темнее и волнистые. У него были серые глаза.

– А разве они не были зелёными, как у папы и у тебя?

– Нет, они были серыми, яркими и глубокими.

– Почему у меня не зелёные или серые глаза?

– Потому что они достались тебе от мамы и папы, получилось сочетание карих и зелёных. Вита, у тебя очень красивые жёлто-коричневые глаза. Ты не должна жаловаться, племяшка.

– Расскажи мне ещё – каким был мой дядя?

– У него всегда было много друзей. Хотя он не искал никакой дружбы. Странно. Теперь, когда я думаю об этом... Все просто любили его, и он любил всех. Я не помню, чтобы он ссорился с Аркадием, или со мной, или с кем-то из своих одноклассников, друзей. Были иногда детские ссоры между твоим папой и мной. Но я не помню, чтобы такое происходило с Борисом... С самого детства он много рисовал. У него были прекрасные картины. Потом все пропали, когда мы уехали в эвакуацию, в Узбекистан. Мама не может простить себе, что оставила их. Но во время войны они бы всё равно потерялись. Ох как много было потеряно тогда...

– Дедушка рассказывал мне, что у дяди были необыкновенные способности к математике.

– О, да. На олимпиадах он занимал всегда первые места. И даже когда поступил в консерваторию, продолжил заниматься математикой. А как он играл на скрипке! Он был одним из лучших... А ещё был отличным шахматистом. Папа научил его. Твой дедушка был страстным шахматистом ещё до Аргентины. Много позже, когда все мы вернулись в СССР,

он организовал шахматные кружки в обоих испанских дет-
домах. Он же и тебя научил играть в шахматы?

– Конечно, научил. Но из меня не вышло хорошей учени-
цы. Мне это было не очень интересно.

– Мне тоже. Я знаю правила игры, и всё.

– Ра, расскажите мне, что произошло в тот день. Ведь я
была тогда маленькой.

– Да, очень маленькой. А я была подростком. Но прежде
тебе нужно узнать много других вещей. Я кое-что собрала
для тебя. Это воспоминания моих и твоих родителей, то, что
я записала. Вот, посмотри всё это.

– Спасибо. Это важно для меня и для моих детей – узнать
побольше о нашей семье.

Уже в метро Виталия открыла пакет и стала читать. Среди
писем, дневников, вырезок из газет попалась на глаза замет-
ка о финской кампании, во время которой пропал Борис.

С 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 года разразилась Зим-
няя война между СССР и Финляндской Республикой, кото-
рая была непродолжительной (105 дней), но очень кровопро-
литной.

Для безопасности Ленинграда советское руководство в
1938–1939 годах просило Финляндию уступить свои погра-
ничные территории в обмен на вдвое более обширные земли
в Карелии. Но Финляндия отказалась. Тогда 30 ноября на-
чалось вторжение в Финляндию.

Впоследствии война закончилась 12 марта 1940 года мос-

ковским договором. В итоге Финляндия уступила Советскому Союзу около 10 % своей территории, эвакуировав при этом 430000 финских жителей из пограничных районов в глубь своей страны.

Потери

с финской стороны

25 904 человек убито
и пропало без вести,

43 557 ранено,

1100 попало в плен.

с советской стороны

126 875 убито и умерло при
санитарной эвакуации,

16 292 умерло от ран
и болезней в госпиталях,

39 369 пропало без вести.

Так вот какой была эта «маленькая» война.

Пальцы Виталии продолжили переворачивать потускневшие страницы документов.

Глава III

Прочь от войны!

*Прощай, Испания родная!
Я в сердце своём тебя сохраняю.
Пусть я эмигрант, но даже вдали
По тебе я вздыхаю.*

Испанская песня «Эмигрант»²

Гражданская война в Испании – кровопролитный путь и безумная форма разрешения социальных противоречий внутри страны, катастрофа, самоубийство нации.

В те далекие дни главные советские газеты писали: «Испания под бомбёжками, сеющими увечья и смерть. Идёт братоубийственное истребление. Вокруг разрушенные дома, пустые жилища, убитые и раненые всех возрастов. Дети без родителей, без крова, голодные, брошенные и больные. Малыши ищут приюта. Но родина больше не может приютить их».

– Лучше пусть далеко, но только живые и здоровые! – в слезах и боли стонут родители и родственники, призывая защитить своё потомство.

Республика ищет убежища для своих детей, ищет способ увезти их подальше от войны, от взрывов, от голода и смер-

² Перевод автора.

ти. У них лишь один путь – эмиграция. Горькие рыдания сопровождают расставание. Кроме одежды, у покидающих родину детей только рюкзачки за плечами, распятие Христа на шее и... камень в сердце. Отъезжающие дети и взрослые уходят лицом в замораживающую непредсказуемость моря. Их покрывает ночь, заключает в объятия ужас, в тот день чудовищно породнившийся с надеждой³.

Бесконечные дни и ночи на корабле текут в тревоге и печա-

³ Гражданская война в Испании (1936–1939) – военный конфликт между лево-социалистическим (республиканским) правительством страны и правомонархическими силами под руководством Франсиско Франко. Целью франкистов был захват власти в стране. Против законного правительства республиканцев выступало «мировое сообщество»: фашистская Италия, нацистская Германия, авторитарная Португалия, Англия и Франция оставались враждебно нейтральны, «невмешательство» объявили все европейские страны. Только СССР оказал помощь Испанской Республике. За время войны из Союза в Испанию было отправлено около 400 танков, 800 самолётов, 1500 артиллерийских орудий, 15000 пулемётов. А ещё предоставлен кредит на общую сумму 85 миллионов долларов, направлено около 3000 добровольцев. Война закончилась победой Франко. За годы гражданской войны в Испании погибло около 30000 человек. После войны 400000 испанцев отправились в изгнание, 300000-500000 оказались в тюрьмах и лагерях, из них более 30000 было расстреляно. В 1937-38 годах из Испании было эвакуировано более 34000 детей из семей республиканцев. В СССР в составе четырёх партий прибыло 2895 детей в возрасте от 5 до 12 лет, по большей части из Страны Басков, Астурии и Кантабрии – северных районов, отрезанных фашистами от остальной страны. Детей сопровождала группа из 159 взрослых – испанских воспитателей. Позже, уже в детдомах, с детьми работало около 1400 учителей, воспитателей, врачей, включая 159 испанцев. К концу 1938 года в СССР было 15 таких детдомов – десять в РСФСР, а пять в Украине (Одессе, Херсоне, Киеве и Харькове). Под детдома были отданы дома отдыха и старые дворянские особняки.

ли. Глаза маленьких и взрослых пронзают темноту. Уши закладывает от разрывов торпед. Всюду чёрные каскады разъярённой пенящейся воды. Среди яростного вражеского преследования все молятся только о чуде спасения. Зажатые на этом островке «движущегося оберега», все мысленно полагаются на этот последний шанс выжить. Дети уповают на чудеса, а взрослые взывают к милосердию для своих подопечных.

Но при каждом разрыве вихрь ужаса охватывает всех – и детей, и взрослых. Плачут только малыши, не понимающие всей серьёзности положения. Старших же опасность заставляет молчать. Прежняя привычка к взрывам на суше не избавляет от страха утонуть. Восемилетний Альберто, не сводя глаз с Марибэ, своей наставницы, тихонько спрашивает:

– Они утопят нас?

С потрясающей решимостью Марибэ отвечает:

– Нет, конечно. Нет, мой мальчик. Мы в безопасности, – ответ слишком уверенный для той реальности, в которой они находятся.

Страдания сопутствуют им до конца. Но благодаря чуду или справедливости корабль продолжает следовать сквозь стихию, немецкие торпеды и бомбы. Все надеются, что худшее позади.

Наконец судно медленно входит в туманный балтийский рассвет. Спасённые сходят на берег в Ленинграде.

И тут же всех настигает чудовищная новость: Франсиско

Франко вынес смертный приговор экипажу корабля и всем сопровождающим детей. Морьякам, медсёстрам и воспитателям отрезан путь домой. Исключается даже возможность переписки с близкими во избежание гонения со стороны властей. Теперь – ни письма, ни весточки. Между днём вчерашним и сегодняшним Франко воздвиг непреодолимый барьер⁴. Только победа Республики сможет вернуть им Родину, дом, мир.

* * *

Новость о прибытии корабля с беженцами из Испании захлестнула улицы, весь город. Ленинград – столица Петра Великого – оказывает выжившим великолепный приём. Ликуя, люди выходят на улицы, обнимают маленьких чернооких детишек и их спутников. Детям дарят одежду, сладости, игрушки собственного изобретения и ручной работы. Всё сделано и принесено от чистого сердца. Закалённые работой шершавые пальцы нежно поглаживают тёмные головки. Светлые глаза с любовью заглядывают в маленькие лица. Разными голосами, женскими и мужскими, толпа восклицает:

- Бедные малыши!
- Война сделала их сиротами.

⁴ По испанским законам срок действия этого указа – 30 лет.

– Они нуждаются в семье.

– Мы можем их усыновить? У них будет наша любовь и всё лучшее, что мы можем им дать.

– У вас уже есть двое детей. У нас их нет. Мы хотим усыновить одного из этих бронзовых детишек. Мы будем очень любить его.

– Погодите, вы слишком спешите. Они всё равно не будут вашими. Может быть, их поселят к вам только на время. Когда испанская война закончится, они вернутся на родину. Не надейтесь.

– Какое это имеет значение? Пока мы им нужны, мы будем им помогать. Мы просто хотим помочь. Ох как нелегко внезапно остаться без семьи и так далеко от родины!

– Я не думаю, что правительство отдаст их на усыновление.

Несколько недель спустя то же самое повторяется в Одессе.

В порту царит праздничное настроение, он полон цветов и радости. Люди просят позволить усыновить испанских детей. Но ни одного ребёнка не отдают в семью. Испанских деток ждут два специально подготовленных для них детских дома. Дети, избежавшие войны, должны чувствовать себя как дома. Нет, гораздо лучше! Им дано всё без ограничений: спальни, игровые комнаты и классы, любовно обустроенные, обеспеченные всем необходимым. Единственный барьер – необычный для русских испанский язык. Поэтому к немно-

гим, кто им владеет, власти обращаются с просьбой о помощи и предлагают работу с испанскими детьми.

Конечно же, вся семья Гольдштейнов, переехавшая недавно из Аргентины, откликнулась на этот призыв: Давид – как врач и воспитатель, Софья – как бухгалтер, а Аркадий, студент мединститута, стал учителем биологии в обоих детских домах Одессы.

* * *

Аркадий, хотя и с аргентинским акцентом, но прекрасно говорил на языке Марибэ. С самого начала его внимание привлекла молодая девушка среднего роста, чуть смуглая, с глубоким, открытым искрящимся взглядом. Он обратил на неё внимание ещё и потому, что была она самой молчаливой. Однако именно её больше всех слушались дети. Её подруги также льнули к ней. Всё это не скрылось от студента-медика. Он провёл собственное «расследование» и выяснил, что её звали Мария Бегонья – уменьшительно Марибэ – и что была она республиканской медсестрой, которая сопровождала детей в их побеге от войны. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как она покинула бискайский порт Сантурсе в компании своих маленьких соотечественников, направлявшихся в убежище, предложенное Советским Союзом. Как и в случае с предыдущими европейскими выездами, девушка уезжала с уверенностью, что вернётся домой через несколь-

ко неделю. Она была уверена, что скоро снова обнимет свою мать, братьев и сестёр. Но на этот раз война совершенно неожиданно присвоила ей неизведанный и громкий статус «политической эмигрантки». Марибэ, как и всех её попутчиков, Франсиско Франко объявил военной преступницей и приговорил к смертной казни по возвращении. Все эти подробности ошеломили Аркадия, укрепили его интерес к девушке. Он ощутил желание приблизиться к ней, узнать её получше. Но пока она была окружена подругами, не решался заговорить с ней.

Однажды, выходя с работы, он догнал её у массивных ворот, выходящих на одну из типичных зелёных улиц города. Впервые она шла одна. Значит, пришло время.

– Я могу предложить свою компанию девушке, которая сейчас осталась в одиночестве? – галантно воскликнул парень, приблизившись.

Марибэ повернула голову. Она узнала его и открыто, но немного грустно улыбнулась.

– Никто не смог сопроводить меня, и я впервые рискнула выйти одна.

– Так, значит, вы собираетесь на прогулку? Вам помешает гид? Я достаточно хорошо знаю город.

– А разве вы не здешний? Я думала, что вы одесский учитель русского языка.

– Да, я родился в Одессе, я русский, а вернее, украинский еврей. Но я много лет прожил в Аргентине.

Настолько много, что мне кажется, будто я лучше знаю Буэнос-Айрес, чем Одессу. Впрочем, я живу здесь уже четыре года и много гуляю по городу. Поэтому я говорю, что уже знаю его, по крайней мере, его основные места. В детдоме я преподаю биологию, а не русский язык. В университете я изучаю медицину. Кстати, сегодня у меня нет занятий. Как я уже говорил, если вы не против...

– Ну, я не очень привыкла гулять с улыбающимися незнакомцами, – подшутила Марибэ. – Вас спасает то, что мы оба работаем в одном и том же детском доме.

– Думаю, что да. Так вы... согласны?

– Я соглашаюсь при условии, что Вы покажете мне самые интересные места этого города. Мне нравится, что он портовый, как мой Бильбао.

– О, да. Я с радостью покажу Вам одесский порт. Примите меня в качестве Вашего добровольного «заложника». Будем знакомы. Меня зовут Аркадий Гольдштейн. Как уже было сказано, я преподаю биологию в двух испанских детских домах. Вы ведь видели меня раньше, не так ли?

Марибэ молча улыбнулась. Её уже давно интересовал этот симпатичный русский учитель – стройный парень с зелёными, как листва, глазами, белым цветом лица и волнистыми тёмными волосами. Теперь же она заметила, что, помимо привлекательности, он ещё и галантен. Девушка знала, что Аркадий с самого начала понравился нескольким её подругам. Поэтому она никогда и ничем не сопровождала их ком-

ментарии о нём. Но молодой человек ей приглянулся. Возможно, даже больше этого. Однажды он даже приснился ей. Никто об этом не узнал, даже её лучшая подруга Бони. Это был её секрет. И вот теперь парень впервые заговорил с ней. Она почувствовала, будто между ними пробежала невидимая волна сдерживаемых чувств.

– Мне кажется, я видела Вас раньше. Я теперь знаю, что Вы преподаёте детям биологию. Поскольку мы работаем вместе, если хотите, мы можем называть друг друга по имени и обращаться «на ты».

– О, конечно. Я знаю, что Вы... что ты медсестра и что сейчас ты работаешь здесь воспитателем. С удовольствием покажу тебе свой город.

Его спокойная и уверенная улыбка заставила Марибэ отказать от лёгкого женского жеманства. Предложение парня было принято.

Город оказался поистине впечатляющим. Его архитектура и пышные разноцветные парки – всё было превосходно. Больше всего радовали глаз летние улицы, наполненные зеленью, цветами и, конечно же, весёлыми людьми. Из кафе и ресторанов постоянно слышались шутки и смех местных жителей и нередких туристов. Вскоре девушка отметила, что эти люди отличаются от ленинградцев, тёплых внутри, но довольно сдержанных снаружи. Жители этого города в массе своей были весёлыми и жизнерадостными, всегда оптимистичными.

Это радовало Марибэ, напоминало родину и соотечественников, таких же добродушных и шутливых. Своё ощущение она обсудила с Аркадием.

– Это правда. Таковы все южные города. Одесситы, кстати, вообще заслужили репутацию шутников. Они обладают хорошим чувством юмора, придумывают и рассказывают много анекдотов, которые потом путешествуют по всей стране. Кстати, а знаешь ли ты, что одесский Театр оперы и балета спроектирован тем же архитектором, что и Венский театр, и что в нём очень сильная труппа артистов? Не сочти за нескромность, но там в опере поёт моя тётя по матери, Цецилия. Хотела бы ты услышать её?

– Конечно же. Хотя я, честно говоря, не разбираюсь в операх и никогда не слушала ни одной. В Испании это не распространено. У нас есть другое – сарсуэла.

– Да, я помню это по Буэнос-Айресу.

Молодые люди стали часто проводить свободное время вместе. Они посещали разные знаменитые места Одессы. Например, известную Потёмкинскую лестницу. Аркадий рассказал девушке о Сергее Эйзенштейне, великом советском кинорежиссёре, и о его версии истории в известном всему миру фильме «Броненосец Потёмкин».

Однажды они сидели на бульваре, смотрели на море и беспечно ели вкуснейшее одесское ванильное мороженое.

– Может, ты расскажешь мне о своём городе, об испанцах? – попросил Аркадий Марибэ.

– Мой город тоже древний и красивый, как этот, твой. Знаешь, почему он называется Бильбао?

– Нет. Почему?

– Есть легенда, которая объясняет его название. Конечно, это только легенда.

Она замолчала и задумалась. Через некоторое время, словно очнувшись, продолжила:

– Рассказывают, что когда мой город был ещё просто деревней, молодые женщины с глиняными кувшинами ходили за водой в устье реки Нервной. Однажды одна красивая девушка пошла по воду. Её кувшин был новым, большим и очень искусно украшенным. Естественно, красавица хотела похвастаться им перед людьми. Она шла, покачиваясь и оглядываясь по сторонам, чтобы увидеть, как все будут восхищаться её необычным сосудом. Когда она дошла до устья, то наклонилась, чтобы наполнить свой кувшин. Но поскольку она больше смотрела на окружавших её, чем на свои руки, кувшин, мокрый и тяжёлый, выскользнул у неё из рук, упал и треснул. Теперь через трещину вода стала вытекать, издавая особый звук: «биль-биль-биль-биль-биль-биль-биль-биль-биль... Когда вода совсем иссякла, раздался последний звук: «бао». Это был заключительный аккорд песни разбитого кувшина. Вот почему мой город называли Бильбао.

Оба от души рассмеялись.

– А как насчёт твоей семьи, Марибэ? Ты из самого Бильбао или из провинции?

– Я из Бильбао, столицы Бискайи – страны Басков. Я из басков в восьмом поколении, чем очень горжусь. А ты знаешь, что значит быть баском?

– Думаю, что да, – ответил Аркадий. – Я помню, что в Аргентине символом устойчивости была голова баска в берете, по которой били молотком, но она и не думала поддаваться.

Они снова расхохотались.

– Конечно, здесь речь идёт о «твердолобости», об упрямстве, – добавила Марибэ, смеясь. Аркадий кивнул.

– Пожалуйста, расскажи мне о себе, о своём народе, о своей семье. Кого ты оставила на своей родине, Марибэ?

– Всю свою семью. Мой отец умер, когда мне было всего четырнадцать лет. Но на родине у меня остались мать, три сестры и два брата. Я самая младшая.

– Ты самая младшая, а я самый старший. У меня есть брат и сестра. Они здесь, в Одессе. Мои родители работают в другом детском доме.

– Значит, они тоже говорят по-испански?

– Конечно. Мой отец врач, а мать бухгалтер.

– Да, это замечательно – быть с семьёй, – сказала Марибэ. – Мне очень повезло с моей. Знаешь, семья моего отца была довольно состоятельной. Но отец ушёл из жизни молодым. Ему посмертно полагалась часть семейных денег и имущества. Однако остальные братья взяли всё в свои руки и не очень-то стремились помочь моей матери, которая осталась с шестью детьми на руках и без средств. Так наша се-

мья опустилась по социальной лестнице до уровня кустарей и рабочих. Нам пришлось жить очень скромно. Было не до оперы. Я даже не смогла стать врачом, как хотела. Я – простая медсестра.

– Так это же замечательно. Я очень уважаю твою профессию. Я вижу, что сёстры милосердия обычно обладают решительным характером наряду с человечностью и душевностью. Ведь вам достаётся самое сложное из профессии медика.

– Спасибо. Но мне также нравится искусство, нравится петь. И я с удовольствием познакомлюсь с оперой и с твоей тётей.

В другой раз они снова разговорились о своих семьях.

– Помню, нам с братом Рафой, так как мы были самыми младшими, мама запрещала возвращаться домой с танцев позднее девяти вечера. Если мы опаздывали, нас оставляли без ужина. Я не возражала, а вот мой брат очень переживал. На следующий день он просыпался голодным, как лев. Покончив с завтраком, он всё равно следовал на кухню с большим куском хлеба. Пока мама не замечала, он макал хлеб в масло на пустой сковороде и собирал по кругу всё оставшееся, подшучивая: «Лучше дать круг здесь, чем по Гран-Виа». Это главная улица Мадрида, – рассказывала Марибэ.

Аркадий украдкой взглянул на преобразившееся лицо девушки. Он заметил, что, хотя на её губах сияла искренняя

улыбка, глаза отражали плохо скрываемую грусть. Сделав паузу, она продолжила почти шёпотом:

– На моей родине произошло и продолжает происходить много ужасных вещей. Например, тот страшный день в Гернике...

Голос девушки, казалось, совсем угас. Тогда Аркадий осторожно подбодрил ее:

– Расскажи мне, Марибэ, расскажи об этом. В официальной информации не было подробностей.

После некоторого молчания девушка начала:

– Я не видела этого своими глазами. Я была в Бильбао, когда это случилось. Я узнала об этом со слов моего брата Рафы, который находился совсем рядом с Герникой, в доме своего друга. Дом как бы нависал над городом в лесистой части горы. Они оба видели всё сверху. 26 апреля – день чёрный, как совесть нацистов. Но сомневаюсь, что у них вообще что-то от совести осталось. Другьям чудом удалось выбраться из этого ада. Мой брат рассказал мне обо всём.

Марибэ сделала небольшую паузу.

– Мой брат и его друг Чечу остались в доме одни. Кажется, они только что закончили есть и вышли из кухни, чтобы понаблюдать за происходящим на городской площади. Надо ли говорить, как здорово смотреть на праздник сверху! Было воскресенье, людей полным-полно. Из окна дома мужчины внизу в своих чёрных беретах ходили на булавки, воткнутые в землю. По словам брата, женщин было больше, чем

мужчин. В основном это были жительницы пригородных деревень. Они шли с ярмарки со своими детьми – маленьких несли на руках, а старших вели рядом с собой. Где-то можно было увидеть, как люди ели, где-то – как танцевали. Везде слышались шутки и смех. Это был популярный фестиваль, как и многие другие, с музыкой и весельем. Я тоже раньше видела много таких праздников.

На лице Марибэ появилась лёгкая улыбка, но тут же исчезла. Она продолжала:

– Мало кто обратил внимание на одинокий самолёт, вдруг появившийся из-за гор. Он дал нескольких витков над городом и исчез в чистом небе. Мой брат видел его, но это не насторожило. Внезапно они услышали шум уже нескольких приближающихся самолётов. Вскоре они увидели рой самолётов, их было десять или больше. Рафа сказал, что это были немецкие «Мессершмитты». Сначала они низко пролетели над гулявшими. Многие подняли головы и равнодушно посмотрели на них. Другие продолжали следить за самолётами. Кто знает, что подумали тогда люди. Рафа, например, подумал, что это мог быть военный манёвр, попытка запугивания или какая-то другая причина. То, что произошло потом, нельзя было предугадать.

Девушка снова передохнула и продолжала:

– С ужасным рёвом, который инстинктивно заставлял закрыть уши, самолёты в мгновение ока перестроились и один за другим стали входить в пике. Внизу толпа выглядела ис-

пуганной. Мой брат говорил, что дети плакали, а женщины в смятении бежали, ища укрытия. Но в Гернике не было ни убежищ, ни противовоздушной обороны. Случилось то, чего никто не ожидал, о чём никто не мог даже подумать. Истребители начали стрелять в беззащитных людей. Представь себе. Люди бегут, а самолёты их преследуют. Женщин, детей, стариков... Всех без исключения. Мой брат сверху видел, как толпа стремительно редет, а на землю оседают неподвижные фигуры. Казалось, что выживших уже не оставалось. Всё, что было слышно, так это адский рёв самолётов и не смолкающие очереди пулемётов. А наверху они вдвоём – мой брат и его друг Чечу, в обнимку плакали от страха и негодования.

Но тут новый низкий гул разорвал атмосферу. Это были бомбардировщики. Внизу уже никто никуда не бежал и даже не шевелился. А самолёты начали сбрасывать на центр города бомбы и зажигательные снаряды. В одно мгновение день сменился ночью, дым и огонь заполонили всё вокруг. Запах гари дошёл наверх, где, охваченные ужасом, стояли мой брат и Чечу. Оказалось потом, что это была атака примерно сорока самолётов немецкого легиона «Кондор». И продолжилась она около четырёх часов. Потом писали об этом как о первом нацистском эксперименте «тотальной войны». Он оставил почти две тысячи убитыми и около тысячи ранеными, а также разрушил почти все здания города. Представь себе, убито было три тысячи из семи тысяч человек, которые

жили в Гернике до этой безумной бойни. А ещё через три дня город перешёл в руки фашистов, которые пытались обвинить во всем республиканцев. Они утверждали, что республиканцы подстроили всё так, чтобы сохранить за собой город. Бессовестные псы... Ты не можешь себе представить, как мне больно об этом вспоминать. Совершена была неслыханная подлость и бесчеловечность – первый случай применения авиации против невоенной цели, против беззащитных гражданских лиц. А знаешь, Герника ведь была не просто деревней, нет! Это был стратегический город в национальном и культурном смысле, город – символ баскской нации, где на протяжении веков стояло наше «дерево Герники», корни которого уходят в девятый век! Оно даже изображено на гербе провинции Бискайи. Это дерево символизирует права народа, справедливость и прогресс на основе мудрости и единства. В Гернике Франко совершил «крестовый поход» против самоопределения баскского народа, против свободы и прогресса людей по всей Испании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.